

Ю. В. Никулина, доцент

ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

The article devoted to functioning community in social space in the city. The city community is considered as a way of the organization of the social space. Aim of the article is the theoretical reconstruction of the objectified tendencies and social aspects existence urban community in the modern social space. The parity of public and private spaces of the city environment is analyzed. The role of the city community in structurization of the social space of the city is shown.

Введение. Город как объект исследования представляет собой сложный и функциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: философии, социальной антропологии, истории, социологии, экономики, географии и др. Город исследуется как социально-исторический и социально-цивилизационный пространственный объект, в котором организуется вся деятельность человека, место, где формируется новая сообщество горожан, а вместе с этим появляются новые формы организации общественной жизни, создаются новые социальные институты.

Город выступает формой упорядочивания мира, выражением соотношения человека и мира, соотношением обжитого человеком пространства с мировым пространством, дает ему культурные координаты («обитаемое и необитаемое», «далекое и близкое», «около, вне, внутри» и т. п.). Внутреннее пространство города, организованное, обозначенное улицами, площадями, домами и другими сооружениями, структурирует не только само себя, но и создает особую городскую мультикультурную атмосферу, диктует род занятий людей, тип их общения между собой, образ жизни.

Исследования социального пространства города не только позволяют дать адекватное описание многим современным социальным процессам и явлениям, таким как глобализация и транснационализм, не только концентрируют внимание на самой разнообразной, гетерогенной среде, где сосуществуют различные этнические, религиозные, статусные, субкультурные группы, но и позволяют исследователю описать социальные процессы и явления, характерные для современного общества в целом.

Основная часть. Категория «социальное пространство», введенная еще в начале XX в. П. А. Сорокиным [1, с. 213–215], достаточно быстро вошла в инструментарий социологии, но до сих пор не принадлежит к числу устоявшихся элементов понятийного аппарата социологии. Представления о социальном пространстве достаточно консервативны, вместе с тем они наиболее отчетливо выражают противоречивый характер развития самой науки и ее методологии. Эволюция философских и социоло-

гических взглядов на пространство богата гипотезами, вариантами интерпретаций, дискуссиями. С этим и связан тот факт, что категория социального пространства вызывает противоречивые истолкования. Анализ опубликованных работ, в которых так или иначе рассматриваются пространственные характеристики общественного развития, свидетельствуют о том, что трудно говорить о каком-либо терминологическом консенсусе. Многообразии подходов, эволюция взглядов в зависимости от конъюнктуры постоянно меняющегося фона различных теоретических парадигм приводит к качественному трансформированию объема и смысла данного термина.

Представления о социальном пространстве претерпело в процессе эволюции значительные изменения. Социальное пространство очень долго воспринималось как некоторая идеально «прозрачная» среда, по которой транслируются некоторые «смыслы», дискурсы, перемещаются тела. Пространство рассматривалось как «вместительница» вещей и явлений. С начала 70-х гг. XX в. начинает преобладать трактовка социального пространства как сугубо социальной категории, определяемой человеческим опытом. Исходя из этого, главным субстратом социального пространства становятся индивиды, формы их социализации, способы организации социальной среды, формы отношений, коллективные представления.

Уточнение содержания понятия «пространство», предпринятое в последнее время, было актуализировано тем, что в современном обществе, прежде всего городском, стало появляться все больше социально-отношенческих феноменов экстерриториального характера. Тот факт, что конкретные разновидности социального пространства обнаруживаются на всех уровнях общества, приводит к затруднениям при попытке его эмпирического изучения. В связи с этим возникает проблема фрагментарности знания о социальном пространстве. Кроме этого, необходимо отметить, что проблема анализа категории социального пространства связана еще и с тем, что эта категория практически никогда не рассматривалась в качестве самостоятельной: она всегда идет в паре с другой категорией (например, социаль-

ное пространство маргинальное, религиозное) или в триаде со временем.

Но, несмотря на видимые сложности и существенные расхождения, в последнее время наметились общие тенденции трактовки данного понятия. Стало общей традицией во всех работах, посвященных проблемам социального пространства, говорить о том, что пространство больше не рассматривается как некое вместилище тел [2]. Таким образом, социальное пространство можно определить как совокупность субъектных аспектов жизненной среды – место жизни, существования человека как личности и индивидуальности в ее информационном, социально-нормативном, культурном, семантическом, диспозициональном, коммуникативном, ментальном измерениях (пространствах).

Субъективность социального пространства города означает одновременно и конструируемость этого пространства субъектом. Это положение приводит нас к постулатам феноменологической социологии, сформулированным П. Бергером и Т. Лукманом [3]. Интерсубъективность повседневной жизни города образуется наложением субъективного пространства на объективные пространственные структуры. Наложение этих структур предполагает наличие определенного социального порядка (социального механизма), который представляет собой экстернализацию человеческого «Я» в деятельности. Исходя из этих положений, социальное пространство города можно представить как взаимодействие больших и малых социальных групп, «городских сообществ» в рамках объективных пространственных структур.

Таким образом, городское сообщество можно рассматривать как один из способов организации социального пространства города. Понятие «сообщество» или «коммуна» (community) – одно из наиболее популярных в западной социологии. Часто изучение сообществ (community studies) осуществляют в контексте городской социологии, но иногда совершенно самостоятельно. В русскоязычной социологии достаточно сложно найти термины или направления исследований, тождественные изучению сообществ в западной традиции. В западной традиции этот термин используется со времен Чикагской школы в широком смысле для обозначения структурных единиц социокультурной среды города, понимаемой как мозаика социокультурных миров, различных по символической и социально-организационной структуре (Э. Бёрджес). Термин «сообщество» является локусом как территориальности, так и нормативности, как предметности, так и символизма.

Применительно к понятию «городское сообщество» в целом возникает закономерный вопрос о том, можем ли мы говорить о нем как

о реально существующем феномене? Другими словами, может ли феномен сообщества быть фактом, а не артефактом, т. е. конструктом, возникающим из практик, а не только из представлений. Существуют ли четкие маркеры, с помощью которых можно обозначить критерии существования городского сообщества или же, согласно логике «imagined community» Бенедикта Андерсона, оно вымышлено и есть лишь идея и идентичность?

Естественно, что в любом крупном городе имеется ряд институтов, действующих на сплочение сообщества. Это городские программы и телефонные справочники, статистические отчеты, местные средства массовой информации и т. п. В этом смысле «городское сообщество» – своего рода артефакт, появившийся в результате общественных, коммерческих и правительственных интересов. Тем не менее попытаемся найти индикаторы, которые позволили бы говорить о городском сообществе как о факте. Или же убедимся в том, что город это «мозаика социальных миров», и поэтому он дает пристанище людям самых различных взглядов, стилей жизни, образцов поведения и т. п.

Прежде чем приступить к поиску таких индикаторов, следует рассмотреть один феномен, вне учета которого невозможно говорить о существовании городского сообщества. Речь идет о специфической проявленности, обозримости и наблюдаемости поведения человека (и различных групп людей) в социальном пространстве города, которая может быть названа публичностью. Публичность также может служить индикатором, по которому можно фиксировать факт наличия сообщества. Специфика публичного пространства заключается в том, что оно, в отличие от приватного, делает необходимой презентацию любого агента перед обобщенными значимыми другими. Приватное же, в свою очередь, подразумевает возможность доверия между людьми. Отношения доверия полагаются как возможность выхода за рамки ролевых интеракций к межличностному и максимально открытому общению [4, с. 209–211].

В связи с этим есть все основания полагать, что социальные процессы протекают абсолютно по-разному в публичности и приватности, и зачастую, когда публичное противопоставляется приватному (и интимному), оно используется как синоним социального. В этом смысле городское пространство может рассматриваться как синоним публичного (публично-социального) пространства. Поэтому для изучения социального пространства города первостепенное значение имеет именно феномен публичного. Хотя когда мы говорим о публичном как о социальном, это вовсе не та социальность, что подразумевается в словосочетаниях «социальная система», «социальная инфраструктура» и т. д.

По мысли П. Рикёра, понятие публичности выражает условие «плюрализма, являющегося результатом распространения межлических связей на всех тех, кто находится вне межлического отношения “я” и “ты” и выступает в роли “третьего”», «любого другого» [5, с. 47]. Горожанин в публичном городском пространстве – это и есть «любой другой», «человек с улицы». Сообщество формирует особую среду, где его члены, оказываясь «на виду», ведут себя определенным образом – предписанным и у своего, морально нагруженным и рутинно воспроизводимым, т. е. практики ролевого исполнения встроены в повседневность индивида как рутинные, в их основе лежат фоновые представления. При исполнении этих практик образуется некий «передний план», т. е., говоря словами И. Гофмана, «та часть индивидуально-го исполнения, которая регулярно проявляется в устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение» [6, с. 54].

Таким образом, индикатором городского сообщества могут стать публичные пространства, расположенные в их границах. Хотя, разумеется, степень публичности различных частей города отнюдь не одинакова. Так, городской центр считается наиболее урбанизированным местом в городе как раз потому, что в нем более сильно выражена публичность городской жизни: вывески, кафе, пробки и т. п. – все это может служить проявлениями открытой публичности. Центр монополизировал городскую публичность: главные магазины, парки, музеи – все так или иначе встроено в эту моноцентристскую структуру городского пространства.

Также следует подчеркнуть, что открытая городская публичность имеет множество внутренних границ. Некоторые из них достаточно явны. Примером может служить публичность, возникающая в статусно-профессиональных сообществах: их коммуникативная закрытость, с одной стороны, позволяет члену сообщества получить известность среди большого числа лично не знакомых ему членов, а с другой препятствует выходу этой известности за границы сообщества. Однако структурировать публичное пространство, сконцентрированное вокруг повседневных экономических, хозяйственных, бытовых и т. п. практик, непросто и прежде всего потому, что здесь отсутствуют формальные границы. И если организованный характер частных пространств сомнений не вызывает, то публичное пространство кажется слабоструктурированным, если не полностью хаотичным. Кроме того, публичное пространство достаточно либерально: его предписания кажутся на много менее артикулированными, и нарушить их легче, чем в каком-либо институциональном пространстве. Отсюда следует, что слабоструктурированность публичного про-

странства города вновь подводит к проблеме фиксации индикаторов сообщества.

Естественно, зафиксировать реальность, а значит, действенность, семантическую и практическую данность столь крупного сообщества, коим является сообщество городское, крайне трудно. Ведь нет ни одного единого акта, в который бы было включено это сообщество в целом. Поэтому для обоснования реальности городского сообщества необходимы легкофиксируемые индикаторы того, что его члены так или иначе ориентированы друг на друга. Кроме того, для доказательств существования сообщества важно зафиксировать согласованность фонового повседневного знания, воспроизводящего стратификацию и ролевою дифференциацию сообщества. Такая согласованность возможна только при условии единства коммуникативного пространства, в котором разворачиваются повседневные практики презентации себя перед лицом «обобщенного другого», в качестве которого выступают члены данного сообщества с их ожиданиями относительно друг друга [7, с. 26]. Разумеется, коммуникативность – атрибутивная характеристика вообще социума и личности. Появление городского социума актуализировало и интенсифицировало развитие механизмов и средств коммуникации. Коммуникация все более приобретает диалоговый и символически опосредованный «текстуальный» характер.

Все это, в свою очередь, вызывает к жизни требование единого семантического пространства. В качестве самого общего понятия для характеристики семантического пространства можно использовать понятие текста как семантической структуры, концентрирующей в себе духовную жизнь города, являющейся субстратом социокультурного пространства. Представляется, что можно различать два уровня текстов:

1) текст всей среды города в слитности территориального (культурный ландшафт) и пространственного (события духовной жизни) аспектов – семантика городской среды, смысловое звучание мест, «дух города» и его «настроение»;

2) тексты городских сообществ. Разные городские сообщества говорят на разных языках.

В качестве конкретных маркеров существования коммуникативного и семантического единства, а также наличия общего дискурса можно рассматривать, например, компоненты «образа города». Городские ориентиры, представленные в сознании горожан и значимые для большинства (основные достопримечательности города); городские территории (предпочитаемые и не предпочитаемые районы); основные «общие» маршруты, которые представлены в образе города как наиболее значимые для большинства пути передвижения до значимых объектов; скорость динамических процессов (скорость пешеходов, скорость транспорта, скорость обмена

информацией) и т. п. «Городское ядро» – это объекты, узнаваемые большинством горожан и наиболее значимые для большинства. Для характеристики города имеет значение расположение «ядра» – центра города, как правило, это историческая часть города. Историческое прошлое города (историчность), значимое для большинства горожан. Это «история в памяти случайного прохожего», информация о которой пришла к нему от архитектуры, традиций и заняла свое достойное место в памяти [8, с. 26–29].

Специфика восприятия городской среды различными сообществами анализируется через понятие «дискурс». Наличие последнего может служить, пожалуй, наиболее эффективным доказательством существования городского сообщества. Однако сложность здесь в том, что в современных условиях технологии масс-медиа вполне способны посредством создания местных новостей имитировать наличие публичного дискурса общезначимых актуальных проблем городского сообщества. С учетом этого замечания дискурсным индикатором может стать единая для всей аудитории тематизация и проблематизация всего происходящего, т. е. общее видение актуальной ситуации. Это отнюдь не подразумевает единства мнений, оно заключается лишь в общем для всех членов сообщества навыке делить предметность на вещи, определять их взаимосвязи (поля релевантности) и дифференцировать их значимость, а также принимать общие правила обращения с ними (примером может служить общегородской лексикон, понятный каждому жителю города и недоступный для невключенных в его дискурс). Другими словами, основу публичного городского дискурса в таком контексте составляет способность сообщества понимать правила различения вещей, проблем, событий, а также весь набор требуемых для этого смысловых процедур, которые проводятся данным сообществом не разобщенно, а в контексте координированного социального взаимодействия в границах социального пространства города.

Заключение. Город представляет собой сложное социально-пространственное образование. На различных участках городской территории в силу генетических, функциональных и позиционных особенностей формируется разная среда, создающая условия и ограничения для повседневной жизнедеятельности людей, для взаимодействия человека с окружающим миром, для формирования городского сообщества. Социальное пространство обладает подвижностью и многообразием, отражающим

подвижность и многообразие форм жизнедеятельности обитающих в нем и формирующих его людей, а истоки организации социального пространства скрыты в характере и направленности процессов, протекающих в интерактивной ячейке «человек – среда».

Исходя из вышесказанного, не устанавливая онтологический статус городского сообщества, тем не менее можно фиксировать следующее. Во-первых, в сообществе закрепляется коллективная идентичность индивида. Во-вторых, возникают особого рода компетентность и поведенческие навыки некоторой совокупности индивидов, по которым мы причисляем их к сообществу. В-третьих, само наличие публичного пространства детерминирует возникновение и существование городского сообщества.

Литература

1. Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 544 с.
2. Мозговая, А. В. Риск в социальном пространстве / А. В. Мозговая. – М.: ИС РАН, 2001. – 178 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Генисаретский, О. И. О местном ведении и понимающем самоуправлении / О. И. Генисаретский // Стратегическое планирование в муниципальном управлении. Введение в предмет: учеб. пособие для муниципальных управляющих / О. И. Генисаретский [и др.]; под ред. О. И. Генисаретского, А. Е. Балобанова. – М.: МОНФ, 2000. – С. 202–224.
5. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикёр. – М.: Университетская книга, 1995. – 165 с.
6. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
7. Дамбег, С. В. Петербург – предмет и поле: новая публичность и новые места / С. В. Дамбег, Н. В. Соколов // Санкт-Петербург в зеркале социологии: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургское социологическое общество; гл. ред. В. В. Козловский. – СПб., 2003. – С. 24–58.
8. Семенова, Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Т. В. Семенова; Ин-т педагогики и психологии проф. образования РАО. – Казань, 1986. – 39 с.